

Научная статья

УДК 81'11

Конфликтогенность vs индекс «Щелкунчика» в формировании образа России

Наталья Анатольевна Смакотина^{1,2}¹Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия²Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. В контексте развития недружественного отношения к России в западном политическом медиадискурсе формируется отрицательный образ России как элемент политической установки. В речевой коммуникации политического медиадискурса предпринимается попытка формирования нужных общественных настроений. Политические риторы прибегают к использованию конфронтационных стратегий дискредитации, лжи и навешивания ярлыков посредством различных языковых средств: лексики с негативной коннотацией, неоднозначной и пикирующей лексики, пейоративов, дисфемизмов, образных средств номинации политических событий. Выявление коммуникативной динамики текстов политического медиадискурса, влияющей на конфликтогенность, способствует моделированию образа России в современном зарубежном политическом медиапространстве. Проведенный анализ показал, что русофобия и отрицание «русскости», используемые в качестве оружия в контексте информационной войны при формировании эмоциональной напряженности в мире по отношению к России, не находят политического отклика в общественном сознании целевой аудитории.

Ключевые слова: политический медиадискурс; конфликтогенность; политическая риторика; языковые средства; образ России; индекс «Щелкунчика»

Для цитирования: Смакотина Н. А. Конфликтогенность vs индекс «Щелкунчика» в формировании образа России // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2024. Т. 18, № 2. С. 68–75.

Original article

Conflictogenity vs “Nutcracker” index in Russia's image formation

Natalya A. Smakotina^{1,2}¹Novosibirsk state technical university, Novosibirsk, Russia²Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk, Russia

Abstract. In the context of unfriendly attitude towards Russia, negative image of Russia as an element of political focus is being formed in the Western political media discourse. In the verbal manifestation of political media discourse, an attempt to form the necessary public moods is made. Political rhetoricians resort to the use of confrontational strategies of discrediting, lying, and labeling through a variety of linguistic means: vocabulary with negative connotations, ambiguous and divisive vocabulary, pejoratives, dysphemisms, and figurative means of nominating political events. The identification of the communicative dynamics of the political media discourse texts which affects the potential for conflict, contributes to the Russia's image modeling in the modern foreign political media discourse. The analysis has shown that Russophobia and the denial of “Russianness”, used as a weapon in the context of information war to form emotional tension in the world towards Russia do not find the necessary political response in the public consciousness.

Keywords: political media discourse; conflictogenity; political rhetoric; linguistic means; image of Russia; the “Nutcracker” index

For citation: Smakotina N. A. Conflictogenity vs “Nutcracker” index in Russia's image formation. *Topical issues of philology and methods of foreign language teaching*, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 68–75. (In Russ.)

I. Введение. В современных реалиях развития отношений между Россией и странами Запада и США в свете проводимой Российской Федерацией Специальной военной операции (СВО) в западном политическом медиадискурсе формируется «агрессивный» образ России как фрагмент политической установки.

Политический медиадискурс в данной статье рассматривается как вид практической речевой коммуникации, в которой происходит «толкование социальной реальности в ключевых терминах и категориях политики» [11, с. 65].

По мнению А. Ш. Калашаовой, политический медиадискурс, «с одной стороны, это отношение к политическим установкам членов общества, с другой стороны – к сознанию людей, воспринимающих тексты как апелляцию к действиям, с третьей стороны, к культурным традициям и нормам дискурсивных практик» [5; 12, с. 220].

По справедливому замечанию Е. И. Шейгал, политика представляет собой сферу общения, ориентированную на массового получателя информации [14] с целью формирования нужных общественных настроений.

Поскольку «большинство политических действий по своей природе – это речевые действия» [10, с. 147], представляется необходимым рассмотреть речевую манифестацию политических лидеров стран Запада и США при формировании образа России.

Объектом исследования выступает политический медиадискурс как вид практической речевой коммуникации, ориентированный на создание политической установки.

Предмет исследования – языковые стратегии и тактики, формирующие эмоциональную напряженность в мире по отношению к образу России.

II. Материал и методы исследования. Материалом исследования

послужили видеоряды выступлений (и скрипты к ним) на официальном YouTube-канале Организации объединенных наций официальных лиц Великобритании [25] и Франции [19]: заместителя премьер-министра и канцлера герцогства Ланкастер, государственного секретаря в канцелярии кабинета министров Соединенного Королевства Оливера Доддена; главы МИД Франции Катрин Колонны; а также канцлера Германии Олафа Шольца [21] и президента США Дж. Байдена [22] на 78 Генеральной Ассамблее ООН, открытой 5 сентября 2023 г. в Нью-Йорке.

Материал исследовался с применением лингвопрагматического и дискурсивно-когнитивного анализа речевых единиц, заключающихся в выявлении коммуникативной динамики текстов политического медиадискурса, влияющей на конфликтогенность, посредством семного и коннотативного анализа эмоционально-маркированной, неоднозначной и пикирующей лексики, слов с негативной и обвинительной коннотацией, которые выступают важной составляющей политической риторики, способствующей формированию отрицательного и «агрессивного» образа России в политическом медиадискурсе стран Запада и США.

При работе над статьей в качестве теоретической базы были рассмотрены труды лингвистов в следующих областях: семиотика и теория дискурса (А. Ш. Калашаова, О. Л. Михалева, Д. Е. Никулина, Е. И. Шейгал); теоретические и концептуальные исследования (Э. В. Будаев, А. П. Чудинов, Дж. Лакофф, М. Джонсон), форм коммуникативного воздействия, анализа и классификации коммуникативных тактик и стратегий (М. В. Лысякова, А. А. Гавая, Е. Н. Малюга, С. Н. Орлова, О. В. Сулина) и общей политической лингвистики (А. П. Чудинов).

III. Результаты. Проведенное исследование свидетельствует о том,

что в связи с событиями, связанными с СВО, индекс конфликтности со стороны стран Запада и США по отношению к России показывает стабильный рост, что способствует формированию отрицательного образа России в мировом сообществе.

Лингвопрагматический анализ выступлений политиков на 78-й Генеральной Ассамблее ООН демонстрирует применение политиками языковых стратегий и тактик при формировании эмоциональной напряженности в мире по отношению к России. Вслед за А. П. Чудиновым [13], О. С. Иессерс [4] автор статьи к таким стратегиям относит конфронтационные стратегии: дискредитацию, ложь и навешивание ярлыков.

Для реализации обозначенных стратегий политики прибегают к различным речевым тактикам, которые представляют собой «конкретный этап реализации коммуникативной стратегии, определяемый интенцией говорящего, эксплицитированной совокупностью приёмов, обуславливающих применение тех или иных языковых средств» [9, с. 45]. К таким средствам можно отнести лексику с негативной коннотацией, пейоративы, дисфемизмы, образные средства номинации политических событий.

Следует отметить, что к пейоративам относится не просто лексика с негативной коннотацией, а уничижительные или оскорбительные слова, выражающие резко негативную или неуважительную коннотацию, низкое мнение или отсутствие уважения к кому-либо или чему-либо, которые также используются для выражения критики, враждебности или пренебрежения. По справедливому замечанию М. В. Лысяковой и А. А. Гиевой, в политической риторике пейоративом можно назвать слово, «употребленное с целью дискредитации адресата или выражения негативной оценки со значением неодобрения, пренебрежения, презрения» [7, с. 52].

Дисфемизмы представляют собой «оскорбительные по отношению к предмету разговора или адресату» выражения уничижительного содержания, что также характерно для современной риторики политиков Запада и США по отношению к России [8, с. 74].

В целях дискредитации политических решений российской стороны при формировании образа России зарубежные политики прибегают к лексике с негативной коннотацией, пейоративам, дисфемизмам, причем отмечается двойная маркированность негативной оценочности: *the most heinous assault, negative aggression, brutal invasion, unbearable consequences, illegal war*. Например:

1. “this Gathering dedicated to peaceful resolution of conflicts is darkened by the shadow of War, an *illegal war* of Conquest brought without provocation by Russia against his neighbor Ukraine” [22].

В словаре Cambridge Dictionary Online лексема *war* обозначается как “armed fighting between two or more countries or groups” [17] и, в сущности, представляет собой военный термин. Однако в сочетании с прилагательным *illegal* (“not allowed by law” [17]), становится дисфемизмом, приобретает значение политического термина, несущего двойную коннотацию противозаконности и угрозы при формировании образа России в контексте СВО.

2. “we have to stand up to this *negative aggression* today and deter other would-be aggressors tomorrow” [22].

Лексема *aggression* (“spoken or physical behaviour that is threatening or involves harm to someone or something” [17]) также выступает доказательством угрозы при формировании отрицательного образа России. Примечательно, что в сочетании с прилагательным *negative* (“not expecting good things, or likely to consider only the bad side of a situation” [17]) выступает в качестве дисфемизма, вердиктируя или навешивая ярлык при формировании образа России.

3. “Russia’s *brutal invasion* of Ukraine, an attack on a sovereign member of the United Nations by a permanent member of its Security Council, *the most heinous assault* imaginable” [25].

Дисфемизм “*brutal invasion*” выступает в качестве маркера агрессивности и безжалостности «оккупанта»:

brutal – “cruel, violent, and completely without feelings” [17];

invasion – “an occasion when an army or country uses force to enter and take control of another country” [17].

4. “precisely because this war is having *unbearable consequences* around the world” [21].

Французский министр иностранных дел Катрин Колонна в своем выступлении называет российскую операцию аннексией и преступлением против всего человечества, повышая индекс конфликтогенности и демонизируя Россию:

5. “*the invasion* of a neighboring state to attempt to *annex territory* through *underhanded maneuvers* and *martyring the population*” [19].

6. “in Ukraine, of course, where *crimes against humanity* are committed on a daily basis against the population” [19].

Пейоративы *underhanded* (“done secretly, and sometimes dishonestly, in order to achieve an advantage” [17]), *martyring* (“killing someone because of their religious or political beliefs” [17]), применяемые Катрин Колонной, а также *the most heinous* (“very bad and shocking” [17]) в риторике Оливера Доудена выступают в качестве конфликтогенов и несут исключительно обвинительную коннотацию. Ложная информация в контексте информационной войны против России преподносится с трибун Генеральной Ассамблеи ООН как постулирующая «истинное» положение вещей, которое очевидно всему мировому сообществу и горячо осуждается ведущими мировыми державами.

В формировании образа России немаловажное значение имеет личность

президента В. В. Путина. Обвинения действий российской стороны все чаще выступают адресно, в сторону непосредственно президента РФ. Демонизируя Россию, политики называют украинцев “*Putin’s victims*”; отмечают, что все действия и развитие политических и военных событий зависят от одного человека: *Russia’s president; Putin could end this war*. Кроме того, в выступлениях политиков прослеживается обращение к метонимии *Moscow, Kremlin* с целью передачи единоличности принятия решений и втягивания всей страны в агрессивные действия по отношению к стране-соседу:

7. “consequences felt not just by the brave people of Ukraine, but by millions across the globe; those hit by food shortages particularly, in developing countries are *Putin’s victims* too” [25].

8. “*Russia* could end this war tomorrow; *Putin* could end this war tomorrow” [25].

9. “but *Russia* alone, *Russia* alone bears responsibility for this war. *Russia* alone has the power to end this war immediately” [22].

10. “and as *Russia* alone that stands in the way of peace; because the *Russia’s* price for peace is Ukraine’s capitulation Ukraine’s territory and Ukraine’s children” [22].

11. “*Moscow* too must finally understand that; for let us not forget that *Russia* is responsible for this war” [21].

12. “it is *Russia’s president* who can end it at any time with one single order; but for him to do that he has to understand” [21].

Целостность образа России в западном восприятии формируется также на основе метафорического моделирования. Метафоры в выступлениях политиков рассматриваются как форма концептуализации новой реальности в условиях информационной войны, развязанной Западом и США против России. «Когнитивное изучение способов метафорического оправдания (или осуждения) войны, то есть способов образного объяснения того, почему дан-

ные боевые действия с моральной точки зрения необходимы и законны или же, наоборот, аморальны и незаконны» [1, с. 131], приобретает особую актуальность при объяснении символических понятий, которые обладают потенциалом внушаемости и позволяют политикам, апеллируя к эмоциям людей посредством информационного пространства, воздействовать на их восприятие событий и поведение.

В выступлениях риториков прослеживается антропоморфная модель, постулирующая опасность России как соседствующего государства:

13. “Nothing can morally or legally ever justify the invasion of a *neighboring state*” [19].

Кроме того, онтологическая метафора «Россия – Зло» или Россия – «Империя Зла», описанная в терминах Дж. Лакоффа и М. Джонсона призвана «структурировать <...> восприятие, <...> мышление и <...> действия» [6, с. 34]. Позиционируя Россию в качестве «Империи Зла», выступающей в качестве всего негативного, что есть в мире, угрозы для «доброего» и мирного существования всего мирового сообщества, политики коллективного Запада и США выстраивают «эмпирические рамки, внутри которых осваиваются <...> абстрактные концепты» [6, с. 35] и политические установки. Обозначенный фрагмент прослеживается во всех исследуемых выступлениях:

14. “*Russia believed the world will grow weary and allow it to brutalize Ukraine without consequence*” [22].

15. “*millions across the globe those hit by food shortages particularly in developing countries are Putin's victims too*” [25].

16. “*Russia's war of aggression has caused immense suffering not only in Ukraine; people around the world are suffering as a result of inflation growing, deaths, the scarcity of fertilizers,*

hunger and increasing poverty precisely because this war is having unbearable consequences around the world” [21].

17. “if we let this aggression be rewarded, other instances will occur there or elsewhere, ladies and gentlemen, *the Russian war of aggression is also a blow against most vulnerable countries; it imposes upon us all today*” [19].

Примечательно, что неприкрытая агрессия стран Запада и США по отношению к России проявляется не только на политическом уровне в политических текстах выступлений при «демонизации» образа России как государства, но и на культурном, выводя индекс конфликтогенности в социальное пространство. Отрицание русской культуры, исторических ценностей и традиций, «русскости» приобретает массовый характер в странах Запада и США.

Сетевое издание «Военное обозрение» в информационно-аналитической статье «Запад бьёт по российской культуре прямой наводкой» от 28 апреля 2022 г. публикует, что «европейцы пошли дальше и объявили вне закона все, где даже есть намек на русскость. <...> Проще говоря, вычистить все постановки русских драматургов. <...> Каким образом Чайковский ассоциируется с военной спецоперацией в Украине, никто не пояснил. Интересно, что итальянцы на словах не поддерживают решение Киева, но на деле балет Чайковского исключили» [2].

О. Б. Максимова отмечает, что в современных реалиях «большинство медиатекстов (в частности, аналитических текстов и блогов) либо трактуют события в России в связи с политическими событиями в США и Великобритании, либо освещают внешнюю политику России с точки зрения, которая всегда будет соответствовать интересам США или Великобритании» [23, с. 26].

Британское издание The Guardian в статье Сайсона Дженкинса “Britain’s

Kafkaesque boycott of Russian culture plays straight into Putin's hands" polemizes on the occasion of the denial of Russian culture and bans of performances by Russians: "The Bolshoi ballet has been cancelled at Covent Garden, Cannes film festival refuses to accept official Russian delegations, and a Cardiff orchestra bans Tchaikovsky. Having earlier cancelled performances by the Russian piano virtuoso Alexander Malofeev, Montreal's symphony orchestra allowed Daniil Trofinov to play last month" [16].

Однако проведенное сетевым новостным сайтом Deutsche Welle (www.dw.com) «шуточное» исследование под названием «Индекс Щелкунчика», призванное оценить общественный интерес к русской культуре и «доступны ли билеты на предновогодние представления в лучших театрах мира? (когда Речь, конечно, идет только об официальных продажах» [3] показало, что в Рождественский период интерес к балету на музыку П. И. Чайковского не просто не ослабевает, а создает ажиотажный спрос на билеты в театры по всему миру. Например, на официальном сайте "English National Ballet" [18] раскуплены все билеты в Mayflower Theatre, Southampton на период с 29 ноября по 02 декабря 2023 г., равно как и в театре "London Coliseum" на период с 14 декабря 2023 г. по 07 января 2024 г.

Согласно новостному сайту Head Topics (www.headtopics.com) «Волшебный балет русского композитора Петра Чайковского "Щелкунчик" – традиционное наполнение предновогоднего репертуара театров. Это настоящая сказка как для ценителей балета, так и для неискушенных зрителей. В 2023 г. в дека-

бре главные театры мира, от Лондонского Королевского оперного театра до Балета Сан-Франциско, снова дают, погружая зрителя в невероятную атмосферу домашнего Рождества. <...> В Гессенском государственном театре Висбадена, зал которого украшен не менее пышно, чем в Большом (театр, кстати, строился по инициативе последнего кайзера Германии), билеты на декабрьские показы еще есть» [3]. Однако в Штуттгартском театре "The Stuttgart ballet" [24] раскуплены все билеты на «Щелкунчика» на период с 13 декабря 2023 г. по 13 января 2024 г., равно как и в театре "Franceconcert" [20] на период с 03 ноября 2023 г. по 07 декабря 2024 г., а также в театре "American Contemporary Ballet" [15] в Лос-Анджелесе.

Тенденция характерна для театров по всему миру, что может свидетельствовать о неослабевающем интересе общественности к русской культуре и мировому наследию П. И. Чайковского.

IV. Заключение. Таким образом, идеологическое противостояние стран коллективного Запада и США России, реализуемое, прежде всего, на политическом уровне, находит свое отражение в речевых манифестациях при формировании отрицательного образа России. Однако попытка отрицания русской культуры и традиций, беспрецедентная русофобия, развернутая политическими элитами коллективного Запада и США, используемая в качестве оружия в контексте информационной войны, не находит политического отклика в общественном сознании и подрывает мотивированность обозначенной политической позиции.

Список источников

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М. 2008. 248 с.
2. Запад бьёт по российской культуре прямой наводкой [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/195410-zapad-bet-po-rossijskoj-kulture-prjamoj-navodkoj.html> (дата обращения: 22.11.2023).

3. Индекс «Щелкунчика». Всемирный заговор против Большого [Электронный ресурс]. URL: <https://headtopics.com/ru/10481085107610749996-49004224> (дата обращения: 30.11.2023).
4. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ. 2008. 288 с.
5. *Калашаева А. Ш.* Политический дискурс: аспекты социального воздействия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар. 2006. 29 с.
6. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. 256 с.
7. *Лысякова М. В., Гаевая А. А.* Лексико-грамматические свойства дисфемизмов (на материале политического дискурса) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Российский университет дружбы народов (РУДН). 2018. Т. 9. С. 50–76.
8. *Малюга Е. Н., Орлова С. Н.* Лексико-семантические свойства дисфемизмов в корпоративной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 72–79.
9. *Михалёва О. Л.* Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М., 2009. 256 с.
10. *Никулина Д. Е.* Политический дискурс как объект лингвистического исследования // Грамота. 2017. Ч. 1, № 9 (75). С. 147–149.
11. *Пырма Р. В.* Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие [Электронный ресурс] // Фундаментальное научное знание. 2019. С. 63–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovyyh-kommunikatsiy-na-politicheskoe-uchastie/viewer> (дата обращения: 17.10.2023).
12. *Сулина О. В.* Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 1. С. 217–222.
13. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука. 2006. 256 с.
14. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004. 368 с.
15. *American Contemporary Ballet* [Электронный ресурс]. URL: https://us.patronbase.com/_ACBDances/Productions (дата обращения: 29.11.2023).
16. Britain's Kafkaesque boycott of Russian culture plays straight into Putin's hands [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/may/27/britain-boycott-russian-culture-putin-war-ukraine> (дата обращения: 22.11.2023).
17. Cambridge Dictionary Online [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 29.11.2023).
18. English National Ballet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ballet.org.uk/blog-detail/five-reasons-english-national-ballets-nutcracker-special/> (дата обращения 29.11.2023).
19. France – Minister of Foreign Affairs Addresses United Nations General Debate, 78th Session [Электронный ресурс]. <https://www.youtube.com/watch?v=QUgRQ4tRVxk> (дата обращения: 29.11.2023).
20. Franceconcert [Электронный ресурс]. URL: <https://www.franceconcert.fr/en/spectacle/the-nutcracker-2023/> (дата обращения: 29.11.2023).
21. Germany – Chancellor Addresses United Nations General Debate, 78th Session [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IBdL82kdwG4> (дата обращения: 29.11.2023).
22. Joe Biden addresses the 2023 United Nations General Assembly [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7TOPP0lpuqY> (дата обращения: 29.11.2023).

23. *Maksimova O.* Russia's Portrayal in the Mirror of International Mass Media: The Role of Cultural Context // *International Journal of English Linguistics*. 2018. No. 8 (3):25. P. 23–35 DOI:10.5539/ijel.v8n3p25

24. The Stuttgart ballet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stuttgart-ballet.de/schedule/a-z/the-nutcracker-2023-2024/> (дата обращения: 29.11.2023).

25. United Kingdom – Deputy Prime Minister Addresses United Nations General Debate, 78th Session [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oTZPf6sfsQ> (дата обращения: 29.11.2023).

Информация об авторе

Н. А. Смакотина – старший преподаватель кафедры иностранных языков технических факультетов, Новосибирский государственный технический университет; старший преподаватель кафедры лингвистики и теории перевода, Новосибирский государственный педагогический университет, tasha_sni@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0135-7346>

Information about the author

N. A. Smakotina – Senior lecturer of the Department of Foreign Languages for Technical Faculties, Novosibirsk State Technical University; Senior lecturer of the Department of Linguistics and Translation Theory, Novosibirsk State Pedagogical University, tasha_sni@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0135-7346>

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 21.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 21.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.